

Distinctive sound	Особый звук
<p>Distinctive sound. How often do we see these two words applied to orchestras? Read any orchestra's self-assessment and, likely as not, it will pride itself on its distinctiveness of sound. Read concert or CD reviews of the great orchestras, and in all probability there will be a comment about its distinctive sound. When Gramophone published its list of the top ten international orchestras in 2008, all of them – from the Royal Concertgebouw at No 1 down to the Dresden Staatskapelle at No 10 - could be said to have a sound that is distinctive. The appearance of no fewer than 22 foreign orchestral ensembles at the Proms this year, of which almost half of them are making their Proms debut, prompts a broader question: alongside any individual characteristics that an orchestra might possess, is there such a thing as a national identity to the way in which an orchestra plays? Can we recognise the Royal Concertgebouw as being quintessentially Dutch, or the Dresden Staatskapelle as German? Will the Qatar Philharmonic Orchestra, with its complement of largely non-Qatari players and its South Korean conductor Han-Na Chang, strike us on 7 September as offering a typically Qatari slant on Tchaikovsky's Fifth Symphony,</p>	<p>Особый звук. Как часто эти слова звучат по отношению к оркестрам? Прочтите то, что оркестры пишут о себе, и, скорее всего, вы увидите, что они гордятся узнаваемостью своего звучания. Просмотрите рецензии на концерты или диски великих оркестров, и, без сомнения, там будет говориться о своеобразии их звука. О каждом оркестре из десятки лучших, согласно рейтингу журнала «Граммофон» 2008 года, начиная с Королевского оркестра Концертгебау и заканчивая дрезденской Штаатскапелле, можно было бы сказать, что он обладает неповторимым звучанием. Появление в этом году на «Променадных концертах Би-Би-Си» 22 зарубежных оркестров, почти половина из которых выступает здесь впервые, заставляет поставить вопрос более широко: имеется ли среди прочих индивидуальных характеристик, которыми может обладать оркестр, такое понятие, как национальная идентичность, выраженная в манере исполнения? Можем ли мы назвать Королевский оркестр Концертгебау исключительно голландским, а Дрезден Штаатскапелле – немецким? Сможет ли Филармонический оркестр Катара, где значительная часть музыкантов – иностранцы, а дирижер Хан-На Чанг родом из Южной Кореи, потрясти нас 7 сентября типично катарским прочтением Пятой симфонии П.И. Чайковского, Второго концерта</p>

Rachmaninov's Second Concerto and the Iranian composer Behzad Ranjbaran's "Sunrise"? Will the Borusan Istanbul Philharmonic Orchestra under its Austrian conductor Sascha Goetzl bring a particularly Turkish flavour to its concert on 29 July? Since the programme contains the overture to Mozart's "Die Entführung aus dem Serail", that might well be the case, but in Balakirev, Holst, Handel, Respighi and Gabriel Prokofiev - who knows?

Describing orchestras according to their national provenance has often resulted in lazy cliché: discipline (German), reedy (French), quick-learning (British), sleek (American), full-bodied (Russian). Interestingly, Russia is one of the major countries that has no orchestra playing at this year's Proms, but it is in Russia where the most striking changes have occurred in orchestral playing over the past half-century. Anybody who treasures discs by Moscow or Leningrad orchestras from the height of the Soviet era will know that one of the instantly identifiable features is the exuberance of the brass sections. Give the trumpet a solo and he (it was always a he) will be puffing out his cheeks until they are fit to burst and going full pelt with a vibrato as wide as the Russian steppe itself. Nowadays that is not the case. The practice is regarded as

С.В. Рахманинова и третьей части «Восход» трилогии «Симург» иранского композитора Бехзада Ранжбарана? Привнесет ли типично турецкий флер в свое выступление 29 июля Стамбульский филармонический оркестр «Борусан» под управлением австрийского дирижера Саши Гетцеля? Поскольку в программе заявлена увертюра к опере В.А. Моцарта «Похищение из Серая», все может быть. Однако, кто знает, что будет с М.А. Балакиревым, Г. Хольстом, Г. Генделем, О. Респиги и Габриэлем Прокофьевым?

Попытки описать оркестры по их национальной принадлежности часто сводятся к стереотипам: дисциплинированные (немецкие), утонченные (французские), легко обучаемые (английские), «прилизанные» (американские), полнзвучные (русские). Интересно, что Россия, одна из крупнейших держав, не представлена в этом году на «Би-Би-Си Промс» ни одним оркестром, хотя именно в этой стране за последние полвека произошли самые заметные изменения в оркестровом исполнительстве. Каждый счастливый обладатель пластинок Московского или Ленинградского филармонических оркестров советского периода знает, что одна из самых узнаваемых особенностей – очень насыщенное звучание медных инструментов. Лишь дайте трубачу сыграть соло, и он (а это всегда был он), будет раздувать щеки, пока они почти не лопнут, и понесется вперед с вибрато, широким, словно русская степь.

old-fashioned. In the Russian orchestras that have a long history, as in the ones that have sprung up in the post-Communist age, the brass sections are now, if not exactly mellow, then certainly less obtrusive in that way which foreign listeners often regarded as comical.

We tend to admire Russian orchestras – or at least the best of them – for the richness of sound that emanates from the lower strings and rises up through the general texture. But wait. Do we not also admire the way in which Vasily Petrenko has instilled a “Russian” sound into the Royal Liverpool Philharmonic Orchestra for its Naxos series of Shostakovich symphonies? This is perhaps a much more intriguing development on the orchestral landscape of today than searching for national identity or contending that German orchestras have a special claim on German music, French on French, British on British, and so on. Programmes in concert halls throughout the world would look very bleak if that were so, and we know it not to be true. Yes, we can hear the Leipzig Gewandhaus Orchestra or the Royal Concertgebouw, to name only two, and we can know that they are who they are from the special attributes of the way in which they play and the particular timbre that they produce, a timbre that has in many cases been honed over considerable time and nurtured by the acoustics of the

Сейчас все иначе, и такая манера исполнения считается устаревшей. В российских оркестрах, как имеющих богатую историю, так и появившихся в пост-коммунистическое время, медная группа звучит если не совсем мягко, то, по крайней мере, не настолько навязчиво, чтобы насмешить западного слушателя.

Как правило, в русских оркестрах — по крайней мере, в лучших из них — нас восхищает богатство звука, которое рождается у струнных в низком регистре и разливается по всей фактуре. Но постойте. Разве мы так же не восхищаемся тем, как Василий Петренко привил «русский» звук Королевскому филармоническому оркестру Ливерпуля в серии записей Симфоний Д. Шостаковича для фирмы «Naxos»? Пожалуй, это гораздо более интригующее явление в современном оркестровом ландшафте, чем поиск национальной идентичности или утверждение, что немецкие оркестры имеют особые права на немецкую музыку, французские — на французскую, английские — на английскую и т. д. Если бы это было так, программы концертных залов по всему миру выглядели бы очень уныло, как известно, этого быть не должно. Конечно, можно услышать Лейпцигский оркестр Гевандауз или Королевский Концертгебау, назовем хотя бы эти два, и понять, что это именно они по характерным особенностям их игры и получающемуся специфическому тембру, тембру, который очень долго оттачивался и «подпитывался» акустикой помещений, где

auditoria that the orchestras have has their homes. Tradition is a laudable, valued commodity, and it is a tribute to the dignity in which it is held that, for all the globalisation, swiftness of communication and ease of international travel that can mean an orchestra can choose players from more or less wherever it likes, individuality is maintained and cherished.

But, equally, the great orchestras – and even the not so great ones – have shown themselves to be malleable rather than doggedly representative of a “national” style. And this surely is a positive factor. If the music being played dictates a particular interpretative stance and elicits a compelling performance, does the orchestra’s geographical origin matter?

находится «дом» этих оркестров. Традиция — вещь очень ценная, достойная всяческой похвалы, и ее поддержание — дань чувству собственного достоинства, когда при всей глобализации, быстроте коммуникации, легкости путешествий из страны в страну, которые могут означать, что у любого оркестра есть возможность выбирать музыкантов откуда угодно, индивидуальность все равно поддерживается и заботливо возвращается.

Однако, точно так же, великие оркестры — и даже не самые великие — показали скорее гибкость, нежели упрямую приверженность «национальному» стилю. Без сомнения, это положительный фактор. Если музыка сама диктует определенный взгляд на интерпретацию и исполнение убеждает, не все ли равно, из какой географической точки этот оркестр?

Перевод Татьяны Сапегинной, Елены Борисовой